

⁶⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 3. С. 87. Отметим, что краткий курс «Истории ВКП(б)» трактовал сущность требований группы П. Г. Мдивани как великодержавный шовинизм, что являлось чудовищным искажением взглядов В. И. Ленина. При этом утверждалось, что XII съезд учел все его указания. См.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 250—251.

⁶⁷ Именно такая оценка решениям XII съезда РКП(б) дается в многотомной истории КПСС (См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 280—281). В ней, в частности, говорится об ошибочной позиции Н. И. Бухарина и Г. Х. Раковского, утверждается, что отставание минимума компетенции общесоюзных высших органов вело к ослаблению единства союзного государства (С. 284). Последнее противоречит ленинскому подходу. В дальнейших изданиях многотомной истории КПСС необходимо, очевидно, учесть данное обстоятельство и дать принципиальную оценку взглядам как Н. И. Бухарина, так и И. В. Сталина.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

⁶⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 264—265.

⁷⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 650.

⁷¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 208.

⁷² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 579.

© 1990 г.

В. В. Пименов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ

*Нагромождение фактов — вернейший
признак умственного бесплодия.*

О. де Бальзак

Вопрос о факте, о фактической обоснованности научного утверждения, теории, концепции принадлежит к числу существенных сторон всякой науки. Фактическое знание, знание, основанное на фактах, — это синоним точного научного знания, нередко — синоним науки. В последние десятилетия вопрос о научном факте стал предметом обсуждения среди специалистов многих отраслей знания. Едва ли это случайно. Фактическая обоснованность научных суждений, которая, кстати сказать, имеет прямое отношение к проблеме источниковедения, создает уверенность в истинности наших утверждений, обуславливает устойчивость аргументов и выводов. Повышенное внимание к проблеме факта вызвано к жизни не только и не столько импульсами чистой любознательности, сколько прогрессом науки, усложнением структуры научного знания, расширением круга и характера источников информации, накоплением обширного и разнообразного исследовательского опыта, возрастанием ответственности ученого за результаты своих разработок, в особенности в связи с расширением практического использования научных данных. Короче говоря, проблема факта выдвинулась на авансцену в силу усложнения исследовательских процедур, а также вследствие осознания учеными необходимости уточнения своих гносеологических позиций.

В ряде публикаций нередко можно встретить признания, что вопрос о факте «недостаточно разработан в нашей философско-методологической литературе»¹. Не будем закрывать глаза также и на то, что среди нас имеется немало исследователей, гипертрофирующих значение фактического знания в ущерб знанию теоретическому. Представление о том, будто «факты говорят сами за себя», «факты покажут», имплицитно присутствует во многих исторических, этнографических, филологических и иных трудах (как отечественных, так и зарубежных)².

Учение о факте в каждой конкретной науке есть раздел, в существенной степени трактуемый свойственные этой науке проблемы теории познания. То, как трактуется факт, зависит, разумеется, не только от специфики данной науки,

но и от того, каковы классовые, философские, общеметодологические позиции, занимаемые тем или иным ученым. Несмотря на то что в отдельных исследованиях время от времени появляются призывы, предостерегающие против «искусственного усложнения»³ проблемы факта, тем не менее становится все более ясно, что мера усложнения или упрощения этой проблемы должна быть адекватна ее содержанию и не может быть сведена к ее оценке тем или иным ученым. Нельзя не принять во внимание то обстоятельство, что во многих науках явственно прослеживается стремление отчетливо выявить своеобразие, качественную определенность тех фактов, с которыми «работает» каждая данная дисциплина. Недаром в языке науки появились такие понятия, как *физический факт*, *медицинский факт*, *юридический факт*, *исторический факт*, *археологический факт*, *психологический факт* и т. п.⁴ Сомнительно, чтобы это стремление было просто выражением «искусственного усложнения» проблемы; скорее всего здесь мы имеем дело с ее действительной сложностью. Даже если отбросить в сторону задачу отделения подлинных фактов от ложных (т. е., например, продуктов деятельности пропаганды, созданных с целью манипулирования общественным мнением⁵), то и в этом случае проблема обнаруживает весьма высокую меру сложности.

Тщательный историографический анализ позволил, например, А. Я. Гуревичу убедительно показать, сколь радикальную эволюцию претерпело понятие *исторический факт* за последние 100 лет с небольшим. Наивная вера в реальность и, так сказать, вещественность факта, в его атомарную простоту и однозначную объективность интерпретации, что якобы ведет прямо к прочному знанию и научному закону, сменилась со временем осознанием сложности состава (строения) исторического факта, пониманием его многозначности и возможности различных истолкований. Дальнейший анализ проблемы нередко приводил и приводит ученых к трактовке исторического факта как лишь исследовательской конструкции и, более того, к полному субъективизму и к мысли с невозможности адекватного понимания прошлого, к мифотворчеству в истории. Таким образом, представление о факте менялось: преобладавшая ранее натуралистическая фетишизация факта обернулась безудержным релятивизмом и даже мистификацией⁶. Не потому ли исторические (а в сущности, и этнографические) факты в той форме, как они трактуются в зарубежной науке, вызвали чувство недоверия у такого исследователя, как К. Леви-Строс, который обратил внимание на то, что они суть результаты абстракции, кодирования, выбора, установления хронологических последовательностей и т. п.; что эти факты выступают не как изначальные моменты и свойства самих исторических событий, но как продукты осуществляемой человеком концептуализации⁷.

Если попытаться реализовать тот опыт, который накоплен в науке по поводу понимания факта с точки зрения его сложности или простоты, то можно отметить по крайней мере три обстоятельства, на которые следует обратить внимание. Во-первых, это многосторонность, многослойность, многоплановость любого факта, т. е., в сущности, его неисчерпаемость. Во-вторых, следует отметить, что всякий факт, как правило, отличается структурной сложностью, а не простотой. И, в-третьих, необходимо учитывать связанность, соченность факта с бесчисленными другими фактами, вместе с которыми только и могут проявляться его смысл и значение⁸.

Обращаясь теперь к вопросу о том, что именно следует называть фактом, необходимо отметить, что в современной советской науке нет единства мнений⁹: одни исследователи полагают, что факты суть фрагменты действительности, реальности, находящиеся вне сознания познающего субъекта¹⁰; другие думают, что фактами следует называть лишь отражения действительности тем или иным способом зафиксированные познающим субъектом (так называемые факты науки¹¹); третьи (к ним принадлежит автор настоящей статьи) убеждены в том, что в процессе познания мы неизбежно имеем дело с двумя рядами фактов — фактами действительности и фактами науки. Интересно отметить, что исследователи, работающие в области конкретных наук и затрагивающие проблему

факта, опираясь на опыт исследовательской работы, в большей степени, чем философы, склонны вычленять два ряда фактов, т. е., с одной стороны, факты реальности и, с другой — факты науки¹².

Один из сторонников трактовки факта в качестве лишь субъективного отражения действительности следующим образом определяет понятие факт: «Факты — совокупность высказываний, фиксирующих результаты экспериментов и наблюдений, полученных по определенным правилам и с помощью специальной аппаратуры в соответствии с критериями точности и адекватности, продиктованными данной теорией. Такие высказывания рассматриваются как достоверные или статистически вероятные»¹³. Автор против, как он говорит, «удвоения терминологии» и ставит вопрос: «Не проще ли говорить не о фактах, а об *особо значимых* (курсив мой.— В. П.) событиях, процессах и ситуациях, имевших место в прошлом?»¹⁴

С такого рода утверждениями трудно согласиться. Анализ высказываний классиков марксизма-ленинизма показывает, что они называли фактами как объекты реальности, так и их отражения в человеческом сознании, зафиксированные научными средствами¹⁵. Г. М. Андреева, специально рассмотревшая этот вопрос, пришла к заключению, что В. И. Ленин употребляет понятие социальный факт в двух значениях — онтологическом и гносеологическом¹⁶.

Однако дело не только в соответствии нашей терминологии сложившейся в марксизме традиции. Отказывая «фрагментам объективной действительности» в признании и названии их фактами, мы рискуем утратить ясность научной, теоретико-методологической позиции, рискуем вместо изучения всей реальности отправиться на поиски лишь «особо значимых событий, процессов и ситуаций»¹⁷, утратить необходимую меру связи между изучаемой реальностью и фиксированным знанием.

Анализируя процесс познания, В. И. Ленин говорит о превращении «вещи в себе» в явление, в «вещь для нас». «Это превращение и есть познание»¹⁸. По всей видимости, и в рассматриваемом случае следует констатировать ту же самую связь между фактом реальности и фактом науки: превращение факта в себе в факт для нас. Этот процесс постоянно совершается, с одной стороны, в ходе, в развитии, в итоге чувственного наблюдения, живого созерцания (при использовании тех или иных инструментов наблюдения). Примерами тому в этнографии могут служить бесчисленные случаи разнообразных наблюдений, констатаций, открытий и т. п. (обнаружение неизвестного науке племени индейцев в Амазонской сельве, открытие дотоле неизвестного типа жилища и т. п.). С другой стороны, лишь на этой основе могут производиться различные логические операции, сопоставления, анализы, в ходе, в развитии и в итоге которых, оперируя уже известными (зафиксированными) фактами, удастся устанавливать новые факты путем вывода, путем выявления связей (например, выяснить наличие этнокультурной близости двух или более этносов, археологических культур, форм жилища и т. д.). Самое интересное и важное в данном случае это то, каким образом совершается переход от незнания к знанию, как трансформируется факт реальности в факт науки, каковы «механизмы», способы и пути такого превращения.

Соотношение фактов и теории — принципиальный вопрос для каждой науки. «Любая наука начинается с собирания фактов...»¹⁹ — такое утверждение, при всей его кажущейся справедливости, нельзя признать верным. В самом деле, для того чтобы начать собирание фактов, в сознании «собирателя» уже должны присутствовать некоторые соображения по поводу того, какие именно факты нужно фиксировать, а какими можно пренебречь, наличествовать концепция цели, те или иные (пусть не явно выраженные) гипотезы и т. п. Каждый исследователь (и тем более целая наука) реализует свою познавательную деятельность не в состоянии «нуля гипотезы (теории, концепции, идеи, метода и т. п.)», как безуспешно пытались доказать сторонники неопозитивизма²⁰. Более того, «„факт“, „событие“, „ситуация“ — все то, с чем сталкивается исследователь., в известном смысле есть уже „итог“ развития социальной действ-

вительности, а отнюдь не „исходный пункт“...»²¹. Кроме того, объективной предметности (факту-реальности) путем ее фиксации должен быть придан статус научного факта при помощи введения его в концептуально определенную логико-семантическую схему²². Заметим, кстати, что эта последняя мысль была ясна многим авторитетным исследователям прошлого. Так, В. О. Ключевский утверждал: «Факт, не приведенный в схему, есть смутное представление, из которого нельзя сделать научного употребления»²³.

Резюмируя сказанное, следует, по всей видимости, заключить, что вопрос о соотношении факта и теории, факта и концепции и т. п. не может быть решен однажды и навсегда, одним единственным способом. Эти компоненты постоянно меняются местами и их последовательная взаимосвязь и соотношение напоминают соотношение между курицей и яйцом.

Между фактом-реальностью и фактом-знанием находится посредствующее звено, обладающее достаточно сложным строением, это процедуры выявления фактов, их поиска и фиксации. Л. П. Лашук, заслуга которого состоит в том, что он одним из первых поставил вопрос об этнографическом факте, тем не менее совершает погрешность, утверждая, будто эмпирические факты — это то, что непосредственно наблюдается или изучается²⁴. На самом деле факт-реальность «дан не непосредственно, а через призму определенного истолкования...»²⁵. Наблюдение, изучение, как правило, опосредовано также инструментарием и техникой наблюдения, что не всегда очевидно при использовании классических для этнографии приемов полевой экспедиционной работы, но отчетливо заметно при переходе к массовым обследованиям, осуществление которых сопряжено с выполнением ряда исследовательских процедур, подготовкой специального инструментария, с расчленением процесса сбора информации на ряд последовательных этапов, с привлечением к работе многочисленных сотрудников-регистраторов. Факт науки (факт-знание) есть, следовательно, приблизительно верный познавательный образ, отражение фактов реальности. Но не только. Факт-знание несет на себе те или иные следы концептуальной позиции познающего субъекта, особенностей инструментария, условий реализации процесса познания. Так, в процессе изучения свадебного обряда этнограф, используя разные теоретические и «технические» подходы, может изучать и собственно «ткань» обряда, и меру его знания респондентами, и характер соблюдения обряда, и, наконец, отношение к нему респондентов. Все это будут разные аспекты одного и того же объекта, и в ходе его фиксации будут «схвачены» разные факты.

Фактофиксирующие суждения — это показатели (индикаторы), образы, отражения, а не реальные свойства изучаемого объекта²⁶. Данное обстоятельство создает существенные трудности, связанные с переводом, превращением объективно наблюдаемого в систему суждений о нем. Трудности еще более возрастают, если речь идет об исследовании социальных объектов, если сбор информации принципиально включает в себя создание ситуации «наблюдатель — респондент (информатор, испытуемый)», т. е. ситуации, которая сплошь и рядом возникает при сборе этнографических фактов: присутствие наблюдателя в той или иной степени оказывает воздействие на обследуемых, результатом чего может быть некоторый искажающий эффект. Установлено, например, что проведение интервью в ходе массового этнографического обследования дает заметно различающиеся материалы в зависимости от того, на каком языке — русском или языке респондента — совершался опрос информаторов²⁷.

Констатацию эффекта искажения, обнаружение помех и «шумов» в процессе превращения фактов-реальностей в факты науки не следует, разумеется, рассматривать как аргументы, будто бы сводящие на нет усилия исследователей, направленные на получение достоверных данных. Однако ясное понимание возникающих трудностей есть непременное условие, обязывающее исследователя принять все возможные и необходимые меры для снижения искажающего эффекта. Именно поэтому одной из самых существенных процедур в ходе познания остается процедура проверки (верификации) получаемых данных.

Сказанного достаточно для того, чтобы подчеркнуть не только сложности и трудности познавательного процесса, но и обратить внимание на его активный характер. Превращение факта-реальности в факт науки есть, как правило, активная, сложная, напряженная работа, а не пассивное созерцание. В этой связи встает вопрос о том, чем является факт по отношению к активной познавательной научной деятельности. Ю. И. Семенов высказал на этот счет следующее суждение: «Факт не может быть создан ученым. Он может лишь быть найден, открыт или установлен»²⁸. Это утверждение совершенно верно и справедливо в том смысле, что факт-реальность действительно не создается исследователем. Даже в том случае, когда имеет место натурный (в том числе и социальный) эксперимент, «создание» факта есть иллюзия, нечто лишь кажущееся: воздействие экспериментатора на объект лишь высвечивает объективные, фактические свойства последнего. Факт не создается, а лишь «поворачивается» к исследователю нужной «стороной». Однако положение радикально меняется, если речь идет о фактах науки, об описаниях, фактофиксирующих суждениях. Именно в этой сфере проявляется деятельность, работа, трудовые усилия, направленные на создание такого рода документов, т. е. на создание фактов науки. Исследуя, например, в полевых условиях народные жилища, этнограф имеет дело с фактами реальности, он создает их описания, планы и тому подобные фактофиксирующие документы. Но впоследствии, в ходе камеральной работы он оперирует, естественно, уже не самими объектами в их реальности, а созданными их описаниями, т. е. фактами науки.

В своей работе исследователь встречается, как известно, с самыми разнообразными фактами, имеющими различные характер и природу. Это обстоятельство обязывает и понуждает его сознательно и отчетливо определять, с какого рода фактами предстоит работать и, следовательно, осуществлять необходимую группировку и классификацию. Речь идет в данном случае о группировке фактов именно по характеру их существенных свойств. Автор не имеет намерения исчерпать в данной статье все возможности группировки и классификации фактов, а хочет лишь предложить некоторые, кажущиеся ему полезными для ориентации исследователя в безбрежном море эмпирических данных.

Практика работы этнографа показывает, что в ходе исследований нередко встает задача, связанная с реконструкцией фактов. Такого рода задачи, типичные в исторических и историко-этнографических исследованиях, реализуются с помощью процедур, связанных с изучением документов, применением анамнестического метода, изучением музейных коллекций и других источников, позволяющих в конечном счете доказать наличие в прошлом того или иного факта, т. е. реконструировать его. Наряду с этим в особую группу могут быть выделены такие факты, которые на каждом данном этапе исследовательской работы допустимо трактовать в качестве отражения современного состояния изучаемого объекта. Такие факты удобно назвать презентивными. Наука получает их путем организации обследований современных реальных объектов. Наконец, следует принять во внимание, что человеческое сознание стремится постигнуть не только прошлое и современность, но и заглянуть вперед, предвидеть будущее. Такое — опережающее — познание должно базироваться не только и не столько на интуитивной догадке, сколько на фактах, отражающих тенденции перспективного развития изучаемых объектов. Наука имеет в своем распоряжении способы получения таких фактов (методы экстраполяции, экспертных оценок, моделирования и др.).

При группировке фактов в высшей степени важно учитывать их качественную природу. Пожалуй, легче всего выделяется и фиксируется факт-предмет (данный вид жилища, костюмный комплекс, орудия труда и т. п.). Сложнее вопрос о факте-событии, который характеризуется обычно относительной кратковременностью, одноразовостью, завершенностью. К числу такого рода фактов могут быть отнесены, например, миграции украинской семьи в Канаду в начале XX в., введение в 1930-х годах преподавания начальной грамоты на вепсском

языке, первое исполнение удмуртской национальной оперы и т. п. Вместе с тем в нашей литературе, трактующей проблему факта, наметилась тенденция считать фактом-событием по преимуществу относительно крупные исторические явления²⁹. Такая тенденция не кажется мне оправданной. Опыт этнографии свидетельствует о том, что исторический масштаб события не есть генеральный признак события вообще. Любой трудовой, культуросозидающий, обрядовый и иной акт есть в такой же мере событие, как и Великое переселение народов или открытие Нового Света. Суть дела лишь в том, что в данном случае мы сталкиваемся с событиями таксономически низшего порядка, с тем, что Л. Н. Толстой называл «дифференциалом истории»³⁰. Само собой понятно, что всякое крупное событие складывается из огромного множества подобных дифференциалов, микрособытий, составляющих его «ткань».

Изложенные соображения вплотную подводят нас к выяснению еще одной разновидности факта — факта-процесса. Он характеризуется относительной длительностью реализации, так сказать, текучестью, протяженностью во времени³¹ (миграция ирландцев на Британские острова и в США, заселение Сибири русскими, рост образования того или иного народа на своем национальном языке, эволюция репертуара национального театра и т. п.). Далее, может быть выделен факт, имеющий характер поведенческого акта (трудового, обрядового и др.). С такого рода фактами этнограф постоянно имеет дело в ходе полевых эмпирических наблюдений и фиксирует их тем или иным способом (в том числе и с помощью таких средств, которые могут сохранять их поведенческую природу, например, путем киносъемки или видеозаписи).

Наконец, необходимо принять в расчет то обстоятельство, что среди фактов, которые наблюдает, фиксирует и анализирует этнограф, существенное место принадлежит фактам сознания (фактам-мнениям, фактам-идеям). Их природа специфична, их специфика может состоять в том, что здесь мы имеем дело с двойным (или даже многократным) отражением: познающий субъект «схватывает», «отражает» факты сознания, выработанные информатором и свойственные ему (информатор и его субъективная сфера противостоят познающему субъекту в качестве объекта изучения); вместе с тем факты сознания, сформировавшиеся у информатора, также отражают какую-то реальность, лежащую вне его сознания. Весьма типичен случай, когда исследователь просит информатора рассказать о каком-то объекте (например, об обряде, характере жилища, припомнить некоторые события из своей жизни и т. д.), высказать свои суждения или мнения по тому или иному поводу. В данном случае имеет место фиксация фактов сознания. Вместе с тем, нельзя сказать, будто в результате этой процедуры мы ничего не узнаем о том первичном факте, который отражен сознанием информатора. Путем использования различных процедур верификации обычно удастся вычленить достоверные сведения даже в том случае, если они являются результатом двойного или многократного отражения. Однако это обстоятельство следует принимать во внимание. Факты сознания могут быть фиксированы и введены в систему научного знания, разумеется, лишь в том случае, если они тем или иным способом объективированы. Этнография, психология, литературоведение, фольклористика и другие науки, изучающие духовную культуру человека и человечества, заняты исследованием фактов сознания и немало не сомневаются в том, что они суть фрагменты действительности, объективно противостоящие исследователю в той мере, в какой они, эти факты, реализуются в своих материальных носителях³².

Группировка научных фактов неизбежно учитывает различия в уровне обобщения тех данных, с которыми она имеет дело. В этом смысле могут быть рассмотрены прежде всего единичные факты, т. е. такие, которые еще не введены в систему, не поставлены в ряд, не соотнесены с другими однородными фактами. Так, утверждения, что в данном пункте у данного информатора зафиксированы такие-то элементы одежды или такой-то набор кушаний, есть констатация единичных фактов. Однако исследователь, как правило, не ограничивается собиранием единичных фактов: его сознание сводит эти факты в типизирован-

ные группы и стремится оперировать подобными группами, выступающими уже как типизированные факты, т. е. как факты, обобщенные на уровне типа. Скажем, утверждения, что для северных карелов в XIX в. было типично знание рун «Калевалы» или же что у южных вепсов преобладает геометрический орнамент в резном деревянном декоре жилища, представляют собой типизированные факты. Обобщение фактов в форме их типизации (типологизации) — это один из самых распространенных способов исследования в этнографической науке. Другие науки также охотно им пользуются (например, И. П. Суслов говорит об отборе исследователем типичных фактов, т. е. об их типизации, в экономической науке³³).

Этнография, как и всякая другая наука, редко интересуется отдельным фактом. Это случается лишь тогда, когда в исследовательской ситуации обнаруживается дефицит фактических данных, но и при этом обстоятельстве исследователь исходит из того допущения, что отдельный (единичный) факт есть факт типизированный. В классическом же случае такой факт считается бездоказательным³⁴. Лишь в ряду, в системе однородных фактов, лишь как представитель этого ряда или этой системы факт становится существенным и может быть включен в набор аргументов, достаточный для доказательства выдвинутой гипотезы.

Этнография — одна из социальных наук. Отсюда следует, что она оперирует фактами общественной жизни — социальными фактами. Обсуждая вопрос о социальном факте, полезно вспомнить, что В. И. Ленин так называл «общественные действия личностей»³⁵. То, что общественные действия суть социальные факты, — это, конечно, совершенно верно. Вместе с тем В. И. Ленин нигде не говорит, будто социальные факты — только общественные действия³⁶. К числу социальных фактов несомненно относятся и многие материальные объекты (города и сельские поселения, инфраструктура, одежда и т. п.), и поведенческие акты (обряды, обычаи, ритуалы и т. п.), и продукты духовного производства, и социальные институты, и различного рода процессы, происходящие в обществе. Тем не менее не всякий социальный факт можно назвать фактом этнографическим. Специфика этнографического факта определяется особенностями объекта или объектов, изучаемых этой наукой, она связана также и с ее методами, с особенностями фактофиксирующих процедур.

Этнография — это наука об этносах, их возникновении, исторических изменениях в прошлом, современном функционировании и перспективах будущего развития. Поэтому, как было уже сказано, для этнографии важны и исторические факты, и такие факты, по которым можно судить о перспективных тенденциях.

Короче говоря, этнографический факт есть разновидность социального факта, и в этом смысле между ними нет принципиальных различий. Вместе с тем этнографическим называется любой социальный факт, который характеризует социальный объект в определенном аспекте, а именно: содержит информацию о тех или иных сторонах этноса. Важно отметить, что между социальным и этнографическим фактом нет непреодолимых границ. Часто случается, в силу неисчерпаемости факта, что факт, который на каком-то этапе развития науки считался не этнографическим, на следующем этапе, будучи иначе освещен и более разносторонне исследован, оказывается содержащим этнографическую информацию. Примеров тому очень много. Одним из них могут служить традиционно изучаемые историками феодального хозяйства и социальных отношений разнообразие писцовые и переписные книги, к изучению которых этнографы обычно не обращались. Тем не менее этнографический анализ писцовых книг Обонежской и Вотской пятин показал, что в них, а также и в других писцовых и переписных книгах содержатся данные о динамике поселений, составе и структуре семей, этнически окрашенный ономастический материал и другие сведения, имеющие несомненное значение для решения вопросов этнической истории³⁷. Другой ряд примеров может быть почерпнут из области изучения развития рабочего класса в советскую эпоху. Тема рабочего

класса весьма типична в качестве исследовательского сюжета при изучении социального развития социалистического общества. Однако в 1950-е и последующие годы этнографы также поняли значение этой темы для своей науки: с одной стороны, их внимание привлекли вопросы изучения быта и культуры рабочего класса как ведущей социальной силы социалистического общества³⁸, а с другой — исследование этого объекта оказалось существенным при определении того, к какому типу этнической общности — нации или народности — следует относить тот или иной этнос (наличие развитого промышленного рабочего класса принято считать важным критерием сложения, например, социалистической нации)³⁹.

При определении познавательной ценности того или иного факта наука руководствуется поставленными исследовательскими целями и изучает все факты независимо от того, к каким сферам социальной жизни они относятся. Здесь принципиально недопустимы какие бы то ни было ограничения. Поэтому нельзя согласиться с попытками их введения, которые иной раз встречаются в работах, трактующих проблему факта. Так, А. И. Ракитов по сходному поводу высказал следующее суждение: «Описания стационарных материальных элементов, — например, географической среды, зданий и сооружений, костюмов, бытовых деталей, — имеют познавательную ценность в общем историческом контексте лишь постольку, поскольку эти явления существенны для мотивации, установления целей и выполнения соответствующей деятельности»⁴⁰. Это утверждение неверно. Изучение названных и подобных им объектов имеет существенное значение и само по себе. Историческая география, история архитектуры, история костюма, вообще история культуры не только доказывают самоценность этих объектов, но и подчеркивают их фундаментальное значение в жизни человечества и составляющих его отдельных этносов. Познавательная ценность фактов, характеризующих «стационарные объекты», состоит, между прочим, в том, что посредством их изучения удастся выяснять уровень развития культуры, характер социальных отношений, овеществленных в культурных памятниках, меру этнической специфичности и межэтнических взаимодействий и многое другое.

Социальная жизнь (в том числе и жизнь этноса) представляет собой сложную совокупность массовых процессов. Поэтому ее законы выступают, как правило, в форме тенденций. К. Маркс писал: «Если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладываяющий себе дорогу через эти случайности и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах»⁴¹. Из сказанного видно, что постижение, познание закономерных тенденций становится более успешным и эффективным в том случае, если соответствующие этнографические факты рассматриваются и исследуются в массовом масштабе и в качестве случайных выражений внутренних закономерностей. «Нет фактов абсолютно случайных (т. е. чудес), нет фактов фатально неотвратимых. Каждый факт и необходим — он есть исполнение закона, и случаен — в нем проявляются отклонения от закона»⁴².

В этой связи полезно вспомнить о том, что В. И. Ленин широко пользовался понятием «статистический факт»⁴³. В советской науке выдвинута плодотворная идея о научном факте как о статистическом резюме наблюдения, эксперимента и т. д.⁴⁴. Эта идея с успехом реализуется в массовых этнографических и этносоциологических исследованиях⁴⁵. Действительно, этнографические факты с разной степенью полноты и определенности могут выражать ту или иную тенденцию, свойственную изучаемому объекту. Так, запись рассказа информатора об удмуртском свадебном обряде может быть истолкована лишь в том смысле, что данный обряд вообще встречается среди удмуртов. Утверждение этнографа, выступающего в качестве эксперта, о том, что современные удмурты слабо (или хорошо, полно) знают традиционные свадебные обряды, есть обобщенная оценка некоторой тенденции. Наконец, полученная на основе массового репрезентативного обследования статистическая таблица, имеющая назва-

ние «Знание свадебного обряда удмуртским населением УдмАССР, процентов к числу опрошенных, село и город», есть достаточно точное и вместе с тем обобщенное выражение статистического факта. Анализ фактов, выраженных в форме статистических таблиц, позволяет изучать закономерные тенденции, улавливать их особенности и применять по отношению к ним весь аппарат современной статистики. Использование этого аппарата как на стадии сбора информации, так и на этапе ее переработки создает возможность осуществлять в наших исследованиях завещанное В. И. Лениным требование полноты охвата фактических данных⁴⁶. Эти методы и приемы работы помогают обеспечить полноту фактических данных с точки зрения охвата необходимых сторон изучаемого явления, предусмотреть представительство в анализе его территориально-пространственных аспектов, а также до известной степени получить возможность анализа его временных измерений.

* * *

Подводя итог сказанному, осталось добавить следующее. Изучение фактов — условие развития науки. Вместе с тем во всякой исследовательской работе (и в этнографической в том числе) необходимо ясно и отчетливо представлять себе место и значение фактов, фактического знания. Говорят, что факты — хлеб науки. В качестве метафоры такое утверждение вполне уместно. Но, продолжая эту метафору, полезно помнить о том, что как человек не состоит из съеденного им хлеба, так и наука не состоит из найденных и использованных ею фактов. Наука состоит из теорий, концепций, гипотез, основанных на фактах, проверяемых с помощью фактов и объясняющих факты. Если данные опыта — факты — суть альфа и омега нашего знания, то все-таки на долю науки приходится весь остальной алфавит.

Примечания

- ¹ Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 25.
- ² Ирибаджиков Н. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 188 и сл.
- ³ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 208.
- ⁴ Помимо общеизвестных энциклопедий и словарей см. также: Юридический словарь. М., 1953; Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1987. С. 159; Викторова В. Д. Археологический факт // Вопр. археологии Урала. Вып. 13. Свердловск, 1975, и др.
- ⁵ См., например: Мейнер Н. Мерилин // Лит. газ. 1973. 24 окт.
- ⁶ Гуревич А. Я. Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 77, и др.
- ⁷ Ср.: Автономова Н. С. Структуралистская антропология // Буржуазная философская антропология XX века. М., 1986. С. 128.
- ⁸ Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С. 133.
- ⁹ Setonov Yu. I. Facts and Theory in Ethnography // Problems of the European Ethnography and Folklore // Summaries by the Congress Participants. М., 1982. P. 202.
- ¹⁰ Ср., например, высказывание Е. М. Жукова: «Всякая объективная реальность есть исторический факт» (Жуков Е. М. Указ. раб. С. 210).
- ¹¹ См., например: Рубинов И. Г. К вопросу о понятии научного факта // Проблемы методологии и логики науки / Уч. зап. Том. гос. ун-та. № 80. Томск, 1968.
- ¹² См., например: Андреева Г. М. Проблемы соотношения социологической теории и эмпирического исследования в трудах В. И. Ленина // Ленин и социология (Информ. бюллетень № 42. Сов. социал. ассоциация). М., 1970. С. 46—47; Викторова В. Д. Указ. раб.; Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. 1. М., 1977. С. 152; Суслов И. П. Методология экономических исследований. М., 1974. С. 145.
- ¹³ Ракилов А. И. Историческое познание. М., 1982. С. 116.
- ¹⁴ Там же. С. 187.
- ¹⁵ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 36, 555; Т. 22. С. 304 и др.
- ¹⁶ Андреева Г. М. Указ. раб. С. 46—47.
- ¹⁷ Ракилов А. И. Указ. раб. С. 187.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 120.
- ¹⁹ Викторова В. Д. Указ. раб. С. 17.
- ²⁰ Ср.: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. С. 172 и сл.; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979. С. 49 и сл.
- ²¹ Андреева Г. М. Указ. раб. С. 41.
- ²² Ср.: Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 93.

- ²³ Ключевский В. О. Соч. Т. 6. М., 1959. С. 157.
- ²⁴ Лашук Л. П. Указ. раб. С. 152.
- ²⁵ Материалистическая диалектика. С. 64.
- ²⁶ Ср.: Батыгин Г. С. Указ. раб. С. 65.
- ²⁷ Кондратьев В. С. Эксперимент «Ex post facto» в этносоциологическом исследовании. // Сов. этнография. 1970. № 2; ср.: Батыгин Г. С. Указ. раб. С. 8.
- ²⁸ Сетунов Ю. И. *Op. cit.*
- ²⁹ Ср. Жуков Е. М. Указ. раб. С. 214; Ракитов А. И. Историческое познание. С. 185 и сл.
- ³⁰ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, 4. Харьков. 1978. С. 273.
- ³¹ Большой интерес к такого рода фактам, отражающим «несобытийную историю», проявили исследователи французской школы «Анналов» (См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986).
- ³² Ср.: Платонов К. К. Указ. раб. С. 159.
- ³³ Сулов И. П. Указ. раб. С. 146.
- ³⁴ Ср.: Лашук Л. П. Указ. раб. С. 152.
- ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.
- ³⁶ Ср., например: Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 467—468.
- ³⁷ См., например: Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962; Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 179 и сл.
- ³⁸ См., например: Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР. М., 1968. и многие другие.
- ³⁹ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 79—80.
- ⁴⁰ Ракитов А. И. Указ. раб. С. 182.
- ⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 395—396.
- ⁴² Богуславский В. М. Принцип развития. Закон отрицания отрицания // Философия. Основные идеи и принципы. Популярный очерк. М., 1985. С. 155.
- ⁴³ О. О. Яхот утверждает, будто В. И. Лениным введено в научный оборот понятие «статистический факт» (Яхот О. О. В. И. Ленин о познании сущности в процессе статистического анализа // Развитие статистической науки в трудах В. И. Ленина. М., 1969. С. 131). В действительности это понятие широко использовалось отечественными статистиками во второй половине XIX в. См., например: Вреден Э. Р. Учебные записки о статистике. СПб., 1867. С. 4, и др.
- ⁴⁴ Ракитов А. И. Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания // Проблемы научного познания. М., 1964; *его же*. Историческое познание. С. 172.
- ⁴⁵ См., например: Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984; Социально-культурный облик советских наций (По результатам этносоциологического исследования). М., 1986.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

© 1990 г.

Ю. Н. Бойко

ХРАМ ГОРОДА ГЕЛОНА

Город Гелон (городище у с. Бельск на Полтавщине) — уникальный памятник VII—III вв. до н. э., центр Ворсклинского региона днепровского Левобережья. Здесь обитали оседлые земледельцы, достигшие уровня государственности и раннеклассовых отношений¹.

Гелон — единственный город эпохи раннего железа в украинской лесостепи, описанный Геродотом: «Длина стены с каждой стороны 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; дома у них (жителей Гелона. — Ю. Б.) деревянные и храмы. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллински деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности — это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»².

Многолетние исследования Бельского городища, проводимые Б. А. Шрамко, подтвердили правильность сообщения Геродота относительно размеров города, устройства оборонительных сооружений, характера домостроительства и т. п.³ С помощью археологии хорошо фиксируется гетерогенный этнический состав населения города и региона, что отражает этническую неоднородность обитателей Левобережья Днепра скифского времени. В формировании этого населе-